

В воду стремятся те утки в испуге,
Если кто рядом идёт и шумит.

Минус не малый, но солнце лучами
Мир согревает, даря всем тепло.
Правда мороз будет жуткий ночами,
Что незаметно покуда светло.

Как-то спокойно от этой картины:
Плеска воды, ярких солнца лучей,
Снежных сугробов, укывших равнины –
Сердцу от этого только теплей.

Может погода не раз поменяться –
Снежные бури нельзя исключить.
Но в этот час красотой наслаждаться
Нужно и можно – сей вид не забыть!

Будут пейзажи красивее прежних,
Не повторим в жизни каждый момент:
Как солнца луч на просторах на снежных –
Сердцу отрада, душе комплимент.

М. ВОРОНОВ

Оторван лист календаря,
И... целый год передо мною.
А тот, растаяв в дымке декабря,
Кого простив, кого обняв,
Укрылся снежной пеленою.

Оставив память щедрых дней,
Что осыпали счастьем душу,
Как конфетти из стареньких хлопушек.
И чуть припудрив боль потерь,
Прикрыл туда надежно дверь.

Смотрю я пристально судьбе в глаза,
Слегка тревогами простужен.
Все силы собираю снова,
Чтоб в новый год с надеждою входя,
Вновь ощутить, что я кому-то нужен.

Мы зажжем свечу
И, на праздничный стол.
Чтобы в винных бокалах
Отразилась вся жизнь.
Чтобы год, что пришел,
Беды не нашел.
Ярко свечкой сгорала
Наша краткая жизнь.

Загадаем желания
В брызгах лунных огней.
Чтобы счастье рекой
В нашу горькую жизнь.

Оставайся такой
Взглядом жгучих глаз,
Нежным трепетом губ
Сбереги нашу жизнь.

Стереги любовь,
Не спугни прелесть дня.
Согревай душой
Нашу хрупкую жизнь.

Л. ШВЕЦ

До костей промерзший Новый год
С нетерпением стучится в нашу дверь.
Только мне не до него теперь –
Много у меня других хлопот.

К нам из леса елочка пришла,
Запах хвои наш заполнил дом.
Праздник, гости – это все потом.
Я игрушки старые нашла...

Каждую игрушку берегу,
С трепетом держу в своих руках,
Смахиваю слезы на щеках.
Будто я у прошлого в долгу.

Шарик, колокольчик, дед мороз –
Это годы прошлые мои.
Елка, мою память напои,
Осуши мои глаза от слез.

Украшаю елку неспеша,
Отрешась от суетных забот.
В дверь неслышно входит Новый год
И отогревается душа.

ЛЕОНИД ШТАНГЕ

СЮР

Каждый раз после ночи, проведенной на этом диване, у меня болит спина. Он изрядно продавлен за сорок лет существования отделения и когда на него ложишься, всегда такое

ощущение, словно где-то в центре его снизу дует ветер. Сегодня я дежурил с Лериным молоточком. Она, как всегда, оставила его возле компьютера. Лера потомственный невропатолог и молоточек у неё особенный, с чёрной эбонитовой ручкой и железным треугольником на конце. Лера рассказала недавно легенду о Россоломо, дух которого ходит по клинике, и теперь каждое дежурство я прислушиваюсь к шумам и шорохам, доносящимся из темноты. Где же смена? А вот и она. «Я не слишком поздно?» – раздался бодрый голос Елены Александровны. Она обычно несется на работу во весь опор, словно застоявшаяся в стойле лошадь. «Нет, нет. Что Вы. Я только что проснулся». – «Ну, вот и ладно». На диван полетела сумка, сняты шуба и сапоги. «Вы не видели мои очки?» – «Они лежат на столе и ждут чаю». – «Прекрасно! Ну, теперь Вы можете идти домой». – «Увы, нет. Сейчас я должен идти на экзамен». – «Экзамен – это замечательно. Вы не слышали историю про профессора Штульмана?» – «Нет». – «Сейчас я Вам расскажу. Давид Рувимович добрейший человек, и потому ему стараются посадить на экзамене студентов не очень знающих, и всегда он ставит хорошие оценки. Одна студентка от волнения начала рожать прямо на экзамене. Он испугался, побледнел и поставил ей пятерку, хотя она и слова сказать не успела. После этого случая всех беременных студенток обязательно подсаживали к нему. Штульман каждый раз нервничал, боялся, что снова у кого-нибудь из них начнутся схватки. Но всё обходилось благополучно. Как-то раз его экзаменуемой была полная девица. Как только она подошла к его столу, он спросил: «Вы не беременны?» – «Смешно, правда?» – «Да, забавно. Пойду, посмотрю, что творится в аудитории».

Студенты уже сидели на своих местах и что-то писали. Доцент Алексеев пристреленным взглядом выявлял списывающих и отбирал шпаргалки. «Ты посмотри, какой шедевр!» – восхищался он малюсенькой самодельной книжицей, испанской мелким узористым подчерком. Шпора действительно была великолепной. «Вчера не был на экзамене?» – «Нет». – «Много потерял. Студенты такие пенки отмачивали. Один заявил, что клещевой энцефалит передается половым путем, а эндемический очаг энцефалита находится в Крыму. Представляешь, приезжаешь отдохнуть, а тут тебе бац – клещевой энцефалит». – «А другой?» – «А другой, вот хохмач, рассказал, что при полиомиелите поражаются передние рога головного мозга». – «Бедные студенты, всё у них в голове смешалось – головной мозг со спинным, Крым с Сибирью».

Профессор на экзамен не пришел и потому я потихоньку слинял. После дежурства имею полное право, тем более в субботу. На Большой Пироговке в троллейбусах всегда много студентов и потому контролеры не ходят. Бесплезно даже пытаться их штрафовать – денег-то всё равно нет. Когда мы учились в институте, штрафовали ещё и за переход улицы в неположенном месте. Олег Ухов тогда ещё придумал анекдот. Переходят улицу два студента-медика. Вдруг раздаётся свисток. Прибегают милиционер. «В чём дело? Почему нарушаете?» А

те ему в ответ «Musculus gluteus maximus et minimus» (мол, отстань, задница). Милиционер, конечно, латынь не учил и подумал «наверное, иностранцы», козырнул почтительно и отпустил. Анекдот, конечно, хороший, но действительность круче любого анекдота. Как-то раз контролеры поймали студентку, не желавшую платить за проезд, и отвели её в отделение. А через неделю декан, получивший бумагу из милиции, был поражен находчивостью студентки, так как пришла фискальная грамота на некую Риму Пуденди, что в переводе с той же латыни означает половая щель.

Убаюканный воспоминаниями, я не сразу обратил внимание на необычную соседку, источавшую запах мочи и затхлости. Рядом со мной ехала бомжиха, свалывшиеся волосы которой были изящно завязаны в пучок половинкой металлической молнии. Второй половинкой была обмотана шея собачки, сидящей у неё на коленях. Вид бомжихи был гордый и неприступный. В конце концов, она ведь тоже человек. К тому же женщина. И ничто человеческое ей не чуждо, в том числе и стремление к красоте.

Погода была восхитительная, тихая и солнечная. Народу на улице никого, да и машины почти не ездят. Такую Москву я люблю. Однако надо лезть под землю, опять к искусственному свету. Раньше на эскалаторе было тихо, и люди могли окунуться в свои размышления, ни о чем не беспокоясь. Теперь же из репродукторов доносятся плохо различимые звуки и заклинания. «Вы станете ещё богаче!» Куда уж богаче? В этот раз меня ждал приятный сюрприз. Женщина в будке решила переложить назидания непослушной толпе в поэтическую форму. «Если справа встанешь ты, то прекрасные цветы сможешь видеть над собой. Если слева встанешь ты, за спиной страшный вой может спутать все мечты».

По платформе шёл мужик, в наглую куривший сигарету, – зрелище невиданное в метро. Но самое забавное было то, что за ним на полусогнутых, как лис, крался милиционер. Ещё немного и он прыгнет на свою жертву, заломает ей руку за спину, и уволочет добычу в свою нору.

Вот подошёл мой поезд. Захожу в вагон и вижу идилическую картину. На сиденьях спит рыжая собака, а вокруг неё почтительно стоят люди. Почему бы и нет? Всё сегодня необычно. Например, этот мужик напротив в чёрных лыжных ботинках с красными шнурками. Лето на улице, а он так выпендрился. Ну, их к лешему, этих оригиналов. Почитаю-ка я лучше книжку. Поезд шёл рывками, часто останавливаясь. «Уже и в метро пробки», – прошептал один из пассажиров.

Моя дорога домой частенько идёт через шахматный клуб «Якиманка». «Какие люди!» – радостно восклицает Сергей, открывая мне на встречу объятия. «Проходите, доктор, проходите! Сюда, пожалуйста, в кресло». Сергей, хозяин этого клуба, не будучи психоаналитиком или хотя бы психологом, всегда действует на меня самым благотворительным образом. «Ну как вы тут проживаете?» – «У нас ни дня без приключений. Давеча заходят в мой кабинет трое и ведут Пашу Двелишвили.

«Сергей Николаевич, помогите!» – дрожа от страха, причитает Паша. – «Скажите им кто я такой!» – «А в чём дело?» – спрашиваю у людей в форме. – «Да вот какой-то странный тип. Ходит в одной рубашке по улице, что-то бормочет и в машины заглядывает. Наверное, что-то утащить хочет». – «Вы ошибаетесь. Это известный человек в шахматном мире».

В этот момент в дверях показался Сандро с вязаной шапочкой на голове. «Сандро, ты похож на персонаж с картины Веласкеса «Свобода на баррикадах». – «Это почему?» – «Такой же фригийский колпак на голове». – «Я бы сказал фрейдистский колпак», – добавил Сергей. – «Что ты говоришь?» – заулыбался Сандро. Он ужасно любит всякие интеллектуальные изыски. Надо было что-нибудь сказать в ответ и, увидев у меня на коленях портфель, он спросил: «Это тебе на свадьбу подарили?» Зависть была у него в глазах. Оно и понятно. Портфель дорогой, турецкий, коричневой кожи с тиснением, подаренный Олегом Уховым, не то, что дохлая папочка, с которой он всё время ходит по улицам. «Ну что ты. Такие вещи на свадьбу не дарят, но на твою свадьбу я так и быть подарю тебе этот портфель». – «К тому времени он сильно поизносится», – печально произнес Сандро.

Мы выпили чаю, обсудили последние новости, и я вновь отправился в путь.

Совсем недавно у метро «Речной вокзал» стали ходить аккуратные автобусы немецкими надписями снаружи и внутри. Немцы то ли забыли их заменить, то ли нарочно оставили, чтобы мы по ним выучили их язык. Вон тот автобус ходил раньше до остановки Arpfelbaum, что означает яблоня.

От метро до дома идти далековато. Вот почему я езжу на автолайне. Обычно народ сидит угрюмый и напряженный, настороженно поглядывающий на соседей, как будто ожидают какого подвоха. В этот раз мне повезло. Молодая парочка, сидевшая напротив, была в хорошем настроении. Они ехали к кому-то на день рождения, что было видно по торту и цветам. Мимозины, осыпаясь с ветки, выкатывались из целлофана внизу на каждой кочке дороги. Для их усиления решено было в тот же пакет запихнуть гвоздики. Оказалось, однако, что одна из них сломана и, конечно, можно было бы сделать вид, что так и было, но девушка подошла к проблеме творчески. «У тебя есть спички?» – спросила она своего спутника. – «Не-а. Только зажигалка», – улыбаясь ответил он. Тогда она достала из сумочки скрепку, разогнула её, насадив на один конец головку цветка, а на другой – стебель. Цветок вновь стал как новый. «Ловкость рук и никакого мошенства», – с ликующей улыбкой произнесла девушка. «Вот молодчина!» – подумалось мне. – «Как ловко она это сделала!»

В прекрасном настроении я ввалился домой, но тут же был вынужден выйти обратно. Прогулки с собакой – это святое. Кто у кого в рабстве – люди или собаки? Я, жена и собака, как всегда, пошли в парк, где сегодня на берегу канала жгли костры одни негры. Негритята ходили с колясочками, как будто это не Россия, а Конго какое-то. Эта картина навеяла мне ещё

одно воспоминание. Сандро нам однажды устроил прекрасное развлечение, предложив мне и Сергею заработать. Работа заключалась в обслуживании негритянской дискотеки. Мы, белые люди, стояли на холоде, продавая билеты, а солидные студенты из Патриса Лумумбы в ярких национальных одеждах подъезжали на крутых машинах и отрывались по полной программе. Мы, помнится, страшно замёрзли за ночь, а деньги получил почему-то только Сандро.

В парке тоже тусуются студенты, а также совы, зайцы и утки. Женившись, я стал настоящим бургером, прохаживающимся под ручку с женой по вечерам. Во время прогулок мы делимся впечатлениями о событиях, прошедших с тех пор, как мы не виделись. Когда мы дежурируем, стараемся чтобы дежурства совпали. Так было и накануне.

«Представляешь, захожу в сестринскую, а там Танька сидит в фате. «Ты чего это?» – спрашиваю. – «У меня, говорит, годовщина свадьбы, вот и празднуем». Девчонки завели дежурную фату и хранят её на работе, а как у кого юбилей, фату достают и напяливают на виновницу торжества». – «Здорово придумали!»

Погуляв минут сорок, мы возвращаемся домой в тепло и уют, где тесть уже нагрел чаю и нарезал бутерброды. «В семье всё должно быть на демографической основе. Кто чего может, тот то и должен делать», – любит говаривать он. Он по ошибке погладил мои брюки вместо своих, но расстраиваться не стал. «С тебя стакан». Несколько минут мы хлебали ароматный чай молча, а потом тёща вспомнила: «У нас на работе Верка Петрова чего отмочила. Она сама-то деревенская, и решила своих гостинчиком порадовать. Послала домой ананас. Прошло несколько месяцев, а недавно она сама в гости к родне наведальась. Встретили её хорошо, но первым делом сообщили «Цвет-то твой, Верка, завял». – «Какой цвет?» – «Да тот, в горшочке. Мы его поливали, поливали, да он всё равно завял. Пошли горшочек выкидывать, а он прохудился, и из него такой запах замечательный пошёл». – «Ох и чудачки вы. Эту штуку надо было есть, а не поливать». – «Что же ты сразу не сказала? Надо было инструкцию прислать!»

Да, весёлый у нас народ.